

Научная статья

УДК 1(091)

doi: 10.17223/1998863X/69/9

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ФИГУРЫ ДЬЯВОЛА В «ЛЕВИАФАНЕ» ТОМАСА ГОББСА

Артем Юрьевич Тетерин

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
avronconst@gmail.com*

Аннотация. На основе анализа текста «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» английского философа Томаса Гоббса определены значение дьявола и его соотношение с религией и языком в «Левиафане». Предпринята попытка охарактеризовать этот образ с точки зрения его места в политике Левиафана.

Ключевые слова: Левиафан, Суверен, Томас Гоббс, идея дьявола

Для цитирования: Тетерин А.Ю. Политическое значение фигуры дьявола в «Левиафане» Томаса Гоббса // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 69. С. 76–83. doi: 10.17223/1998863X/69/9

Original article

THE POLITICAL SIGNIFICANCE OF THE FIGURE OF THE DEVIL IN THOMAS HOBBS' *LEVIATHAN*

Artyom Yu. Teterin

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, avronconst@gmail.com

Abstract. There is a shift of research focus to theological problems in the works of Thomas Hobbes: eschatology, hell, the concept of the miracle, etc. Of particular interest is the figure of the devil. It occupied an important place in medieval consciousness and defined social life. The last third of the 17th century is marked by an active discussion among intellectuals about the status of the supernatural, especially the devil and his influence on social life. One of the initiators of this discussion was the English philosopher Thomas Hobbes, the developer of the idea of the modern state. The devil is examined in terms of his role in Thomas Hobbes' political philosophy in *Leviathan, or the Matter, Form, and Power of the Ecclesiastical and Civil State*. First, Hobbes argues that the source of demonology was the worldview of the ancient Greeks, which influenced Jewish culture. Second, Hobbes' materialistic worldview rejects any argument about the immateriality of spirits and the devil. These definitions of the devil lead us to see the devil as a danger in terms of language: an ambiguous concept that can strip language of its performative properties, endanger the stability of the political order for fear of the devil but not of the Sovereign. Therefore, the Sovereign gets a monopoly on interpreting the devil through scripture. Third, the devil, according to Hobbes, does not designate a particular person, but only "an office, or quality". In other words, it is not a proper name, but an appellative. The devil as a proper name is a consequence of a mistranslation of the Bible. Fourth, Hobbes views the devil as the "earthly enemy of the church". This definition means that the figure is undergoing complete secularization and temporalization. It is now a nominal name used to refer to enemies of the state. If the kingdom of God is an extension of the earthly kingdom and all interpretations of sacred scripture are carried out by the state, the devil is any force that attacks the church and sacred scripture, challenging the state. As a result, Hobbes secularizes Early Modern period

political discourse by trying to stop all the ambiguities of the Bible by securing the power of the Sovereign. The devil turns out to be a symbol of the expression of state disobedience and of the individual who has surrendered inalienable rights to a “man-made” god.

Keywords: Leviathan, Sovereign, Thomas Hobbes, idea of devil

For citation: Teterin, A.Yu. (2022) The political significance of the figure of the devil in Thomas Hobbes' *Leviathan*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 69. pp. 76–83. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/69/9

Сегодня исследователи философии Гоббса уделяют внимание не только политическим и правовым темам в труде «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» («*Leviathan, or the Matter, Form, and Power of a Commonwealth, Ecclesiastical and Civil*»). Исследовательский фокус изучения интеллектуального наследия Гоббса смещается в сторону теологических вопросов: значение ада в политической философии Гоббса (С. McClure), эсхатологические идеи в «Левиафане» (Т. Okada, J. Росоцк), теологии в рамках политической концепции Гоббса (J. Росоцк, Т. Дмитриев) и понятия чуда (J. Whipple, В. Яковлев). Смещение фокуса в сторону политической теологии произошло благодаря исследованиям немецкого философа и интерпретатора Гоббса Карла Шмитта, который призвал видеть в секуляризованных понятиях государства понятия теологические и переосмыслять их [1. С. 57].

Однако фигура дьявола, которая занимала важное место в сознании средневековых европейцев, а также являлась не только религиозным, но и политическим символом христианства [2], упускается из виду исследователями теологии Гоббса. Последняя треть XVII в. была временем активной дискуссии интеллектуалов о статусе сверхъестественного, в особенности дьявола и его влияния на общественную жизнь, а одним из инициаторов этой дискуссии был английский философ Томас Гоббс [3. Р. 375]. Так, понятие «дьявол» 19 раз упоминается Гоббсом в его труде «Левиафан». Чаще всего оно встречается в главах, посвященных толкованию Священного писания (гл. XXXVI–XXXVIII) и христианской церкви (гл. XLII), проходя через его размышления о религии и ее месте при доминирующей государственной власти.

Тезис, согласно которому Гоббс является атеистом и его рассуждения о сверхъестественном не могут быть приняты во внимание в контексте его политической мысли, не является общепринятым [4. Р. 878–879]. Во-первых, слово «атеист» исторически меняло свое значение, поэтому мы можем столкнуться с разными пониманиями этого слова, идущими вразрез друг с другом. Во-вторых, Карл Шмитт, рассуждая о теологических понятиях в «Левиафане», говорил, что автор текста наделяет Суверена божественной властью, например, в решении того, что можно считать чудесным, а что нет [5]. В-третьих, тенденция на осмысление значения религии для конструирования политических идей Гоббса постоянно росла и достигла кульминации в его *opus magnum* – «Левиафан» [6. С. 56]. Поэтому в связи с ростом исследовательского интереса к религии и ее критике в «Левиафане» необходимо рассмотреть вопрос о роли идеи дьявола в системе политических идей Томаса Гоббса, которая постепенно выносилась за скобки политического мышления Нового времени.

Основная цель данной статьи состоит в том, чтобы определить политическое значение фигуры дьявола в «Левиафане» Томаса Гоббса. Для ответа

на поставленный вопрос необходимо рассмотреть, как Гоббс определяет фигуру «дьявола» в «Левиафане» и какое место эта фигура занимает в политической философии Гоббса наряду с Сувереном и Богом.

Идея о существовании бестелесных демонов возникла у древних людей, а точнее у язычников, далеких от стремления к «естественному знанию», потому что они, согласно Гоббсу, «принимали образы своего воображения за предметы, имеющие реальное бытие вне их, а не за что нечто, зависящее от их представления... представляя их себе реально существующими и бестелесными, так как они не могли осязать их руками» [7. С. 272]. Описывая причину появления демонологии и веры в дьявола, Гоббс ссылается на историю еврейского народа: «В эпоху плена евреи совершенно не имели государства, а после их возвращения из плена хотя завет с Богом и был возобновлен, но со стороны народа не было дано обещания повиновения ни Ездру, ни кому-либо другому. И так как вскоре после этого они подпали под власть греков (и позаимствовали от них обычаи, демонологию и учение каббалистов, так что их собственная религия была искажена)» [Там же. С. 325]. Так и ныне сохраняются темные и ошибочные учения в виде демонологии, которые достались европейской цивилизации под влиянием распространения христианства.

Гоббс отвергает представление о духах (суть дьяволе) как бестелесной сущности. Ссылаясь на Новый Завет, Гоббс утверждает, что «если Бог создал их (духов. – *Примеч. мое. – А.Т.*) таким образом, то они суть субстанции, имеющие измерение и занимающие пространство, и могут двигаться с места на место, что свойственно телам. Поэтому они не являются бестелесными духами» [Там же. С. 272]. Это убеждение связано с особенностью мировоззрения Гоббса, в котором материальное тело «заполняет и занимает определенное пространство или воображаемое место и не зависит от воображения, а является реальной частью того, что мы называем универсумом. Так как универсум есть совокупность всех тел, то нет такой реальной части его, которая не была бы также телом» [Там же. С. 267]. Таким образом, английский философ пытается отвергнуть любые схоластические споры о бестелесности дьявола.

Далее Гоббс утверждает, что дьявол или сатана не являются именами собственными, т.е. не обозначают конкретное лицо. В качестве примера можно привести отрывок из XLIV главы «Левиафана», где речь идет о новозаветном персонаже Иуде Искарите. Согласно Евангелию от Луки (22:3): «Тогда вошел Сатана в Иуду, одного из двенадцати, прозванного Искариотом» [8. С. 1546], после чего Иуда отправился к первосвященникам, чтобы предать Христа. Этот пассаж Гоббс интерпретирует не как встречу библейского персонажа со сверхъестественным, но лишь как «враждебное и предательское намерение продать своего Господа и Учителя» [7. С. 429]. Причина использования слов «сатана» и «дьявол» как имен собственных вызвана отсутствием правильного перевода Священного писания. Отсюда Гоббс предлагает переводить и понимать эти слова как имена нарицательные, которые обозначают не конкретную личность, а «наименования должности или качества» [Там же. С. 309]. Это замечание также согласуется с идеями Гоббса о человеческом мышлении: вера людей в демонов и прочие сверхъестественные силы вызвана отвлечением мышления от реального мира и оперированием общими, универсальными понятиями.

Несмотря на то, что «дьявол» теряет свою прежнюю силу и превращается в метафору, нельзя исключать, что эта фигура не лишена своего места в политической философии «Левиафана». Гоббс строит «Левиафан» на борьбе с суевериями. Другими словами, для стабильности власти Суверена необходима нейтрализация религии и веры в те силы, благодаря которым можно бросить вызов гражданской власти. Так, рассуждения о дьяволе часто встречаются в XXXVIII главе «О том, что понимается в Писании под словами „вечная жизнь“, „ад“, „спасение“, „грядущий мир“ и „искупление“». В этой главе Гоббс преследует прагматичную цель – доказать, что только Суверен может «выдавать большие награды, чем жизнь, или налагать наказания более жесткие, чем смерть» [7. С. 303]. Таким образом, «дьявол» представляет собой угрозу для авторитета Суверена, вызов которому могут бросить суеверные подданные, для которых есть силы опаснее и страшнее, чем рукотворное государство. Поэтому можно предположить, что даже если «дьявол» не обладает сверхъестественными свойствами, вера в него и обращение к его фигуре зиждутся на использовании языка. В то время как язык – одна из ключевых тем политической теории Гоббса, без которой невозможно возникновение государства [Там же. С. 22].

Язык в системе Гоббса в большей степени зависит от воли и желания человека [9. С. 33–34]. Доказательством этому служит наличие в человеческом языке непостоянных, метафорических и двусмысленных понятий. До тех пор, пока язык отдан в распоряжение воли и желанием, он представляет собой своего рода «вавилонское столпотворение» и лишен своей главной коммуникативной функции – перформативности [Там же]. Однако при отсутствии перформативности царят разногласия, не рождается договор, ибо они исходят от множества (*multitudo*), которое хаотично движимо своими волями, желаниями и страстями. В то время как основная цель Левиафана – обуздать эту хаотичную массу. Поэтому излишнее внимание к дьяволу приводит к раздору, не позволяя Суверену создать и поддерживать политический порядок. Решение, которое предлагает Гоббс, заключается в передаче монополии на интерпретацию Священного писания Суверену.

Кто такой Суверен? Это лицо, гарант общественного договора (*covenant*), которое предпринимает все необходимые меры для соблюдения порядка: он решает такие вопросы, как жизнь или смерть своих подданных, и вопросы интерпретации Библии (XVIII и XXXIII–XLI главы). По мнению исследователей, английское слово «*covenant*» носит теологический смысл и понимается не просто как соглашение, но и «устанавливающий, конституирующий договор, посредством которого из рассеянных по земле иудеев возник избранный Богом народ» [10. С. 13]. С того момента, как состоялось соглашение между подданными и Сувереном, люди более не могут сомневаться в его власти и бросать ей вызов. Однако всегда существует вероятность, при которой подданные в случае несогласия с действиями властей могут не повиноваться ей, ссылаясь на то, что действия Суверена идут вразрез с законом божьим. На это Гоббс отвечает, что, во-первых, другим никак нельзя удостовериться в том, что имело место общение конкретного человека с Богом (например, он позиционирует себя как пророка); во-вторых, договор людей с Богом невозможен, потому что «это неправильно, ибо соглашение с Богом может быть заключено лишь при посредстве лица, представляющего личность Бога, како-

вым может быть лишь наместник Бога, обладающий верховной властью под владичеством Бога» [7. С. 119]; в-третьих, настала эпоха, когда «чудеса прекратились, пророков больше нет, и их место заняло Священное писание» [Там же. С. 258]; в-четвертых, «повиновение Богу и повиновение гражданскому суверену совместимы, если суверен христианин... Если он христианин, то он разрешает веру в догмат, что Иисус есть Христос... И так как он суверен, то он требует повиновения всем своим законам, т.е. всем гражданским законам, в которых также содержатся все естественные законы, т.е. все законы Бога» [Там же. С. 406]. Теперь спорные вопросы священного писания есть только прерогатива Суверена. Его власть будет действовать до тех пор, пока не состоится Второе Пришествие Иисуса Христа, когда Господь будет править не от лица евреев, но всего человечества, где Царство Земное станет продолжением земного [6. С. 69].

Подобные утверждения демонстрируют неограниченную власть и исключительные полномочия Суверена. Говоря о такой безграничной власти «рукотворного» бога и ссылаясь цитату на титульном листе произведения «*non est potestas super terram quae comparetur ei*» («Нет на земле подобного ему»), можно столкнуться с искушением придать ему черты дьявола. Однако Гоббс не наделяет Левиафана / Суверена таким смыслом, хотя некоторые исследователи пытались увидеть в нем символ абсолютного зла. Полисемантический образ Левиафана, о котором говорит Гоббс, носит позитивные коннотации, нежели негативные [5. С. 255–256].

Опять же вернемся к одному из определений дьявола. Поскольку «дьявол» – это имя нарицательное, которое дается не конкретному лицу, а определенной категории объектов, то под этим «подразумевается враг тех, кто будет в Царстве Божием, поэтому если Царство Божие после воскресения должно быть на земле... то враг и его царство должно быть также на земле... под сатаной подразумевается земной враг церкви» [7. С. 309–310]. Точнее, дьявол не конкретный враг Бога, рода человеческого, царствующий в аду, а любой враг церкви и царства божьего на земле. Суверен не приветствует апелляции к дьяволу со стороны подданных, видя в этом угрозу гражданской власти.

Наименование дьявола как земного врага означает, что эта фигура претерпевает полную секуляризацию и темпорализацию, становясь именем нарицательным для тех, кто становится врагом государства. Если царство божье – продолжение земного царства и все интерпретации священного писания осуществляет государство, то дьявол – любая сила, которая покушается на церковь и священное писание, бросающая вызов государству. Противоположность этих царств, в которых процветает мир и порядок, есть ад, в котором людям подвергаются соответствующим мукам. Однако ад также одна из метафор, в которой «изображают горечь и досаду нечестивцев от лицемерия вечного блаженства других, которое они потеряли из-за своего неверия и непослушания» [Там же. С. 310]. Единственное отличие метафоры ада от естественного состояния заключается в том, что все муки являются следствием наказаний, производимых Сувереном, и страха неминуемой смерти. Суверен нивелирует различия между адом и собственным исполнением наказания, угрожая подданным.

Однако не исключено, что люди перестанут апеллировать к «дьяволу» в угоду своим целям, бросая вызов авторитету Суверена. Это можно обосновать убежденностью Гоббса в несовершенстве человеческой природы, что в политической философии принято называть антропологическим пессимизмом. К тому же наличие власти Суверена не отменяет тот факт, что люди перестанут говорить о дьяволе, ибо «политическая жизнь, социальность чревата естественным состоянием, из естественного состояния можно перейти в социальную жизнь, государство может возникнуть, разрушиться и возникнуть... это возможно потому, что между естественным и искусственным нет радикальной цезуры, они суть изначальные стороны друг друга, и как естественная вражда просвечивает через социальность, так социальное просвечивает через все настроения естественной вражды, недоверия и тщеславия» [11. С. 111].

Так Гоббс проводит секуляризацию политического дискурса Нового Времени, пытаясь поставить точку во всех двусмысленных местах Библии, обезопасив власть Суверена. Секуляризацию претерпевает и дьявол. Как справедливо отмечает Карло Гинзбург, в «Левиафане» государство не требует себе отдельной автономной, светской территории, наоборот, она вторгается в религию [12. С. 22]. У Гоббса дьявол – это политическая метафора врагов государства, понимание которой установил Суверен: любой человек, группа лиц, которая ставит под сомнение и угрожает легитимности государства своими словами и действиями. Наконец, «дьяволом» может быть множество, лишенное какой-либо формы и субъектности, которому нет места в политическом теле Левиафана. Подобная трактовка места дьявола в политической системе Гоббса может говорить о том, как секуляризованный язык политики сохраняет возможности для его дальнейшего использования образа дьявола в эпоху Модерна.

Таким образом, можно резюмировать, что Гоббс пытается вынести дьявола за скобки своей политической философии в «Левиафане». Мыслитель лишает фигуру дьявола атрибутов бестелесности и имени собственного, видя в ней угрозу политического характера. В особенности это угроза, которая проявляется в языке, например, через апелляцию к высшим силам вместо Суверена (наместника Бога в политической системе Гоббса). Теряя свое традиционное значение, которое эта фигура приобрела в религии и суевериях прошлого, она при этом сохраняет и усиливает свои позиции в политическом воображаемом Европы Нового Времени. С одной стороны, фигура дьявола оказывается символом выражения государственного непослушания, активизации множества (*multitudo*) и разрушения монолитности государства. Другими словами, доказательством того, что процветание общества возможно только в государстве при послушании и подчинении политическим институтам власти. С другой стороны, «дьяволом» оказывается любой индивид (подданный), который выходит (изгоняется) за границы государственного порядка (политического тела) и находит сходство с дьяволом романтиков: фигурой одинокой, бунтарской и изолированной.

Список источников

1. Шмитт К. Политическая теология: сборник / пер. с нем. А. Филиппов. М. : КАНОН-пресс-Ц, 2000. 336 с.
2. Kotsko A. The Prince of This World. Stanford, California : Stanford University Press, 2017. 240 p.

3. *Israel J.I.* Radical Enlightenment: Philosophy and the Making of Modernity 1650–1750. Oxford : Oxford University Press, 2001. [xxi], 810 p.
4. *Cromartie A.* The God of Thomas Hobbes // *The Historical Journal*. 2008. Т. 51, № 4. P. 857–879.
5. *Шмитт К.* Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / пер. с нем. Д.В. Кузницына. СПб. : Владимир Даль, 2006. 300 с.
6. *Дмитриев Т.А.* Политическая теология в «Левиафане» Томаса Гоббса // *Социологическое обозрение*. 2018. № 3. С. 56–89.
7. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М. : Мысль, 2001. 478 с.
8. *Библия.* Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в современном русском переводе / под ред. М.П. Кулакова, М.М. Кулакова. М. : Изд-во ББИ, 2015. 1856 с.
9. *Плешков А.* Статус языка в политической философии Томаса Гоббса // *Социологическое обозрение*. 2011. Т. 10, № 3. С. 29–40.
10. *Марей А.В.* «Народ» в политической мысли европейского модерна: Гоббс, Спиноза, Пуфендорф // *Слово.ру : Балтийский акцент*. 2020. Т. 11, № 3. С. 8–24.
11. *Филитов А.* Актуальность философии Гоббса. Статья первая // *Социологическое обозрение*. 2009. Т. 8, № 3. С. 102–112.
12. *Гинзбург К.* Страх. Почтение. Ужас. Перечитывая Гоббса в наши дни / пер. с англ. Т. Азаркович. М. : Проект lettera.org., 2011. 24 с.

References

1. Schmitt, C. (2000) *Politicheskaya teologiya. Sbornik* [Political Theology. Complication]. Translated from German by A. Filippov. Moscow: KANON-press-C.
2. Kotsko, A. (2017) *The Prince of This World*. Stanford, California: Stanford University Press.
3. Israel, J.I. (2002) *Radical enlightenment: Philosophy and the making of modernity 1650–1750*. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198206088.001.0001
4. Cromartie, A. (2008) The God of Thomas Hobbes. *The Historical Journal*. 51(4). pp. 857–879. DOI: 10.1017/S0018246X08007103
5. Schmitt, C. (2006) *Leviatan v uchenii o gosudarstve Tomasa Gobbssa* [Leviathan in the Doctrine of the State by Thomas Hobbes]. Translated from German by D. V. Kuznitsyn. St. Petersburg: Vladimir Dal.
6. Dmitriev, T.A. (2018) The Political Theology of Thomas Hobbes' Leviathan. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Russian Sociological Review*. 17(3). pp. 56–89. (In Russian).
7. Hobbes, T. (2001) *Leviatan, ili materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan, or the Matter, Form, and Power of a Commonwealth, Ecclesiastical and Civil]. Moscow: Mysl'.
8. Kulakov, M.P. & Kulakov, M.M. (eds) (2015) *Bibliya. Knigi Syvashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta v sovremennom russkom perevode* [The Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testament in Modern Russian Translation]. Moscow: St. Andrew's Biblical Theological Institute.
9. Pleshkov, A. (2011) The status of language in the political philosophy of Thomas Hobbes. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Russian Sociological Review*. 10(3). pp. 29–40. (In Russian).
10. Marey, A.V. (2020) “Narod” v politicheskoy mysli evropejskogo moderna: Gobbs, Spinoza, Pufendorf [The concept “people” in the modern European political thought: Hobbes, Spinoza, Pufendorf]. *Slovo.ru: Baltic accent*. 11(3). pp. 8–24. (In Russian).
11. Filippov, A. (2009) Aktual'nost' filosofii Gobbssa. Stat'ya pervaya [The relevance of Hobbes' philosophy. Article one]. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Russian Sociological Review*. 8(3). pp. 102–112. (In Russian).
12. Ginzburg, C. (2011) *Strakh. Pochtenie. Uzhas. Perechityvaya Gobbssa v nashi dni* [Fear Reverence Terror. Reading Hobbes Today]. Translated from English by T. Azarkovich. Moscow: Proekt lettera.org.

Сведения об авторе:

Тетерин А.Ю. – магистр социологии, аспирант 1-го курса кафедры истории философии и логики философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: avronconst@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Teterin A.Yu. – MA (Sociology), 1st year postgraduate student of the Department of History of Philosophy and Logic, Faculty of Philosophy, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: avronconst@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.07.2022;
одобрена после рецензирования 09.09.2022; принята к публикации 27.10.2022
The article was submitted 12.07.2022;
approved after reviewing 09.09.2022; accepted for publication 27.10.2022*